

Российские мусульмане и пропаганда в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.)

Диляра Усманова

ВВЕДЕНИЕ

Столетний юбилей начала войны ознаменовался необычайным всплеском интереса к этому событию, породив к жизни поток конференций, исследований, публикаций. Среди последних, в большом количестве появившихся на историографическом поле в 2014–2015 гг., можно выделить как фундаментальные коллективные монографии и сборники,¹ так и работы, посвященные отдельным аспектам Великой войны. Не стала исключением и тема пропаганды в военное время.²

В современной историографии широко распространено суждение, что Первая мировая война 1914–1918 гг. ввела в мировой порядок принцип «тотальности»: помимо того, что военные события охватили весь Европейский континент и даже вышли за его пределы, впервые в общемировом масштабе проявилась тотальная дегуманизация военных действий, установились тотальные идеологии, тотальная информация и тотальная пропаганда. «Тотальная война» требовала беспрецедентной мобилизации всех усилий, в том числе и информационно-пропагандистских. Первая мировая война стала временем рождения и небывалого расцвета *государственной пропаганды* во всех странах, вовлеченных в военный конфликт. Пропаганда рассматривалась воюющими сторонами в качестве оружия, по силе воздействия равноценного военной силе или экономическому давлению. Об осознании необычайной действенности данного фактора свидетельствует тот факт, что практически сразу после окончания Мировой войны появляются первые работы, посвященные

1 Назову только два коллективных труда, изданных авторскими коллективами двух столичных (московского и Санкт-Петербургского) Институтов истории РАН: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014; Первая мировая война и конец Российской империи. В 3-х тт. СПб., 2014.

2 Некоторые из новейших работ на эту тему: Mark Cornwall, *The Undermining of Austria-Hungary: The battle for Hearts and Minds* (London, 2000); Troy R. E. Paddock, *Creating the Russian Peril: Education, the Public Sphere, and National Identity in Imperial Germany, 1890–1914* (New York, 2010); Klaus-Jürgen Bremm, *Propaganda im Ersten Weltkrieg* (Stuttgart, 2013); Troy R. E. Paddock, ed., *World War I and Propaganda* (Leiden, 2014). Из работ отечественных исследователей можно назвать следующую: Гилязов И.А., Гатауллина Л.Р. Российские солдаты-мусульмане в германском плену в годы Первой мировой войны (1914–1920). Казань, 2014.

феномену пропаганды и не теряющие своей актуальности до настоящего времени.³

Теоретики и практики информационных войн (например, упомянутый В. Николаи) отмечают ряд условий, делающих военную пропаганду эффективной:

- пропаганда должна быть обращена к массам, причем в первую очередь к массам малообразованным;
- пропаганда должна быть понятна и доступна им, т.е. содержательно должна быть элементарна;
- пропагандируемые идеи необходимо доносить до адресата настойчиво, равномерно и в течение длительного срока;
- наконец, пропаганда должна апеллировать не к разуму или рассудку, а к чувствам.⁴

Следовательно, элементарность и тотальность являлись неизменным условием действенности и результативности пропаганды, которая в условиях войны нередко заменяла информацию дезинформацией.

Пропаганда, в зависимости от адресата и целей, подразделяется на внутреннюю и внешнюю, а также контрпропаганду. Внешняя пропаганда рассчитана на противника с целью его деморализации и/или дезинтеграции. В крайнем случае, она ориентировалась на нейтральные силы вне страны. Далеко не все считали такую пропаганду действенной и необходимой. Один из идеологов и практиков немецкой пропаганды в годы Первой мировой войны, Вальтер Николаи полагал, что не стоит тратить усилия на врага, а от мысли получить поддержку в рядах противника нужно отказаться. Объектом пропагандистской работы должны быть, в первую очередь, свои собственные граждане. В то же время, очевидно, что в действиях официальных властей держав, вовлеченных в военный конфликт, внешняя пропаганда играла очень важную роль, порой доминируя над другими видами пропаганды, ориентированными на собственное население. Этот же автор писал, что всякая пропаганда должна быть окрашена в субъективные цвета: при допущении хотя бы тени сомнения в своей правоте создается целый очаг сомнений и колебаний, что убивает ценность и действенность пропаганды. Примечательно, что сам В. Николаи в работе «Тайные силы...» (1923) утаил многое из практической деятельности немецкой разведки и контрпропаганды, однако точно описал основные принципы функционирования пропаганды в условиях войны.

3 Walter Nicolai, *Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg* (Berlin, 1920); Walter Nicolai, *Geheime Mächte. Internationale Spionage und ihre Bekämpfung im Weltkrieg und Heute* (Leipzig, 1923), 184 pp.; Harold D. Lasswell, *Propaganda Technique in World War I* (New York, 1927); Hans Thimme, *Weltkrieg ohne Waffen* (Stuttgart-Berlin, 1932).

4 См. подробнее: Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время: сборник / Николаи В., Ронге М., Россель Ч.Э. Киев, 2005.

В данной статье речь пойдет о военной пропаганде в отношении российских мусульман, оказавшихся в условиях мировой войны объектом пропагандистских усилий различных государств и политических сил. На примере государственной политики и пропаганды в отношении мусульман мне хотелось бы выяснить, какая роль отводилась «исламскому фактору» в период Мировой войны. Являлись ли российские мусульмане объектом или субъектом пропагандистских усилий противоборствующих сторон; какими способами и средствами осуществлялась эта пропаганда в отношении мусульман. Наконец, насколько данная пропаганда была «тотальна», действенна и, наконец, результативна? Ключевыми понятиями в контексте обозначенной исследовательской проблемы выступают термины «пропаганда», «агитация», «мобилизация», которые обозначают явления, ставшие неотъемлемой частью государственной политики в условиях «тотальных» войн.⁵

В условиях Первой мировой войны российский фронт военных действий проходил в основном по западным и юго-западным окраинам империи, охватывая регионы и области, населенные такими этно-конфессиональными группами, как поляки, украинцы, прибалтийские народы, различные народы Закавказья. В этих областях, ставших театром военных действий, неоднократно менялась власть, создавались и рушились оккупационные режимы, происходили массовые миграции населения.⁶ Казалось бы, большая часть территория компактного проживания мусульманских народов оставалась в стороне от активных военных действий. Тем не менее, мусульмане также оказались напрямую вовлеченными в бурный водоворот мировых событий.

Мусульманский мир России начала XX столетия был чрезвычайно пестрым и разнообразным как в силу обширности территории распространения, так и оттого, что был представлен народами и культурами, имевшими различный военно-правовой статус. Различались степень и характер вовлеченности российских мусульман в события военного времени. Одни, как закавказские мусульмане (азербайджанцы, аджарцы и др.), испытали на себе все тяготы прифронтовой зоны, граничившей с Османской империей, с лишениями и тяготами военного времени, выступая объектом дискриминационной политики властей. Другие (в частности, народности Туркестана и Степного края), будучи освобожденными от воинского призыва и проживая далеко за пределами фронтовой зоны, тем

5 John Horne, "Introduction: Mobilizing for the 'Total War,' 1914-1918," John Horne, ed., *State, Society and Mobilization in Europe during the First World War* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997), pp. 1-17.

6 Бахтурина А.И. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). М., 2004; Западные окраины Российской империи. М., 2007; Mark von Hagen, *War in a European Borderland: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914-1918* (Washington, 2007).

не менее, оказались в эпицентре крупнейшего социального и национального конфликта, вызванного непродуманными действиями имперских властей в условиях военного времени.⁷ Обстоятельства этого восстания вызывали у имперских властей большие подозрения, что не обошлось без влияния извне.⁸ Отдельную, не типичную в целом для мусульманского сообщества России, представляли собой горские народы Северного Кавказа, о чьем героизме вспоминают в первую очередь, когда возникает такая необходимость.⁹

Однако, основным объектом рассмотрения в данной статье выступают не только и не столько окраинные мусульмане, сколько проживавшие в Волго-Уральском регионе татары и башкиры, которые единственные из числа российских мусульман подлежали обязательному всеобщему воинскому призыву, т.е. обладали общегражданскими правами и служили в армии на общих основаниях. Последнее обстоятельство привело к тому, что среди российских солдат-мусульман, оказавшихся во вражеском плену, преобладали именно татары и башкиры. А именно военнопленные, как и население оккупированных зон, в первую очередь подвергалось воздействию вражеской пропаганды.

Можно признать, что в Российской империи так называемый «мусульманский вопрос» не был приоритетным. По мнению властей, он не обладал такой степенью остроты и сложности, как т.н. «польский», «еврейский» или «украинский» вопросы. Отчасти это объясняется традицией имперской национальной политики, отчасти — представлениями об имманентной инертности и лояльности мусульманских подданных престолу.

7 Туркестанское восстание 1916 г. имеет обширную историографию: *Галузо П.Г.* (ред.) Восстание 1916 г. в Средней Азии (Сборник документов). Ташкент, 1932; *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962; *Кастельская З.Д.* Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане. М., 1972; *Рыскулов Т., Брайдо Г.* Восстание казахов и киргизов в 1916 году. Оксфорд, 1989; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 287–292; *Коттокова Т.В.* Туркестанское направление думской политики России. М., 2008. С. 133–149. Из англоязычной и немецкой литературы: D. Sokol, ed., *The Revolt of 1916 in Russian Central Asia* (Baltimore, 1954); Adeeб Khalid, *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Tsarist Central Asia* (Berkeley, 1998), pp. 239–243; Daniel Brower, *Turkestan and the Fate of the Russian Empire* (London-New York, 2003); Tomohiko Uyama, “A Particularist Empire: The Russian Policies of Christianization and Military Conscription in Central Asia,” T. Uyama, ed., *Empire, Islam and Politics in Central Eurasia* (Sapporo, 2007), pp. 23–63; Jörn Happel, *Nomadisches Lebenswelten und zarische Politik: der Aufstand in Zentralasien 1916* (Stuttgart, 2010), 378 pp.

8 Из указанных выше работ наиболее подробно проблема «вражеской пропаганды» как второстепенная и неактуальная причина восстания рассмотрена в работе Йорна Хапшеля.

9 Подробнее см.: *Исхаков С.М.* Первая мировая война глазами российских мусульман // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquiuma. СПб., 1999. С. 60.

В период войны этническая и религиозная принадлежность подданных, по-прежнему, оставалась определяющим фактором в определении лояльности населения, что являлось важным элементом национальной политики правительства. Поэтому, основные усилия имперских властей, как столичных, так и провинциальных, в отношении мусульманского населения империи в период Первой мировой войны были направлены на *мониторинг настроения* мусульманского населения внутри страны, с тем, чтобы оценить уровень их патриотических настроений и возможную нелояльность. Нелояльность и панисламистские настроения рассматривались как результат пропагандистских усилий вражеских стран, поэтому второе важное направление государственной политики — *ослабление пропаганды стран-противниц* России в данном военном конфликте, прежде всего Османской империи и Германии. Одновременно, имперские власти пытались развернуть свою *позитивную пропаганду*, с тем, чтобы одержать победу в разворачивающемся информационном противостоянии.

«Кейс» мусульман «внутренней» России интересен и по той причине, что из всех российских мусульман татары чаще всего подозревались в наличии панисламистских и пантюркистских настроений, а также в попытках распространить подобные настроения среди более инертных в политическом отношении окраинных мусульман.¹⁰ Следовательно, в отношении татар имперские власти должны были проводить двойственную политику: нейтрализовать воздействие на них «вражеской пропаганды» и одновременно бороться с «антигосударственной» панисламистской деятельностью татар среди остальных подданных империи, исповедующих ислам.

КАНАЛЫ ВЕРБАЛЬНОЙ И ВИЗУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ

В начале XX столетия в системе информации и пропаганды ключевую роль играли пресса и цензура. Обычная карательная, а кое-где сохранявшаяся и предварительная, цензура в условиях войны была дополнена военной цензурой, «Временное положение» о которой было опубликовано в «Правительственном вестнике» уже 22 июля 1914 г. Пресса, печатное слово в условиях войны рассматривались как важнейшее орудие пропаганды, а потому внимание властей к ней было повышенным, но преимущественно репрессивно-карательным.

Военная цензура должна была поставить заслон на пути публикаций новостей и сведений, способных навредить армии и нанести ущерб интересам страны. С другой стороны, она была призвана способствовать

10 Наиболее подробно такие настроения, господствовавшие среди полицейских чинов и гражданских властей, отражены в следующей работе. См.: *Сенюткина О.Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Нижний Новгород, 2007.

сохранению в империи общественного спокойствия. Поэтому, военной цензуре подлежала вся пресса и иная печатная продукция, а также вся переписка населения, особенно между фронтом военных действий и гражданским населением в тылу. Хотя по закону перлюстрация и была запрещена, военная цензура на практике ее возродила, размыв грань между цензурой и перлюстрацией. Материалы региональных архивов показывают, что цензурные органы попытались установить тотальный контроль над всей перепиской простых россиян, хотя технически это оказалось невозможным.¹¹

Известно, что татарская пресса традиционно в целом имела негосударственный и оппозиционный характер.¹² Для мусульманской прессы чрезвычайно важной была тема общетюркского и общеисламского единства. В периоды обострения конфликтов с Османской империей (например, в период Балканской войны 1912 г.) татарские журналисты старались культивировать в своих читателях-мусульманах благожелательное отношение к единоверной Турции, но делали это осторожно, используя эзопов язык и метафоры, а также своеобразный подбор материалов. По наблюдениям цензоров, в это время татарские издания охотно помещали статьи об успехах турецкого оружия на первых страницах и умалчивали об их поражениях. Поэтому, тиражи некоторых татарских изданий выросли почти на 40–50%, а по окончании военной кампании они снизились почти на ту же величину.¹³ С началом военных действий (лето 1914 г.) главные редакторы татарских периодических изданий г. Казани были вызваны в местный Военно-цензурный комитет, где им было дана «рекомендация» печатать поменьше статей с симпатиями в адрес Турции и наоборот увеличить количество патриотических публикаций. Давая подобные рекомендации, цензоры, вероятно, попытались учесть предыдущий негативный опыт.

Находясь под подобным прессом, издатели татарских газет оказались перед сложным выбором: помещая патриотические статьи, они рисковали потерять часть своей читательской аудитории, а высказывая же иные настроения, могли быть обвинены в отсутствии должного патриотизма и верноподданства, а то и вовсе в симпатиях к врагу. По наблюдениям сотрудников цензурных комитетов, осенью 1914 года наблюдалось сознательное уменьшение тиражей многих периодических изданий. Наряду с традиционной двойной-тройной государственной и военной цензурой, довольно широко была распространена и самоцензура.

11 См.: *Воронежцев А.В.* Из истории военной цензуры в период первой мировой войны (по материалам Саратовской губернии) // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие. Материалы научных конференций. Саратов, 2006. С. 18–29.

12 Diliara Usmanova, "Tatar Periodicals (1905–1918)," *Tatar History and Civilization* (Istanbul: IRCICA, 2010), pp. 637–644.

13 Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ), ф. 1, оп. 6, д. 862, лл. 26–29.

В годы Первой мировой войны татарские периодические издания, как в целом вся российская печать, запестрели «белыми полосами», т.е. изъятые цензурой тексты не заменялись новыми, а просто оставались незаполненные места. Иногда эти белые полосы воспринимались как сознательная фронда редакций, которая вызывает нежелательные толки и пересуды. Более того, некоторые изъятые цензурой тексты могли передаваться из рук в руки в виде списков. Поэтому вскоре цензурное ведомство издало распоряжение не пропускать издания с массивными белыми полосами и изъянами, чтобы не возбуждать в населении нежелательных толков и суждений. Примечательно, что многообразие форм цензуры, наличие т.н. полной и частичной цензуры, большой объем работы, с которым столкнулись цензоры, приводили к тому, что в одном городе могли свободно публиковаться такие сведения, которые были запрещены в соседнем. В целом, российская пресса была в сложном положении: к ней тянулись, ее жадно читали, одновременно ей не доверяли, заменяя слухами и неформальными сообщениями. Впрочем, по мере затягивания военной кампании, внимание российской прессы к фронту и фронтовым делам ослабевало, а «военная тема уходила в тень бесстыдно циничной рекламы шляпок, корсетов и снадобья против старческого бессилия».¹⁴

Если периодические издания были ориентированы на образованную, читающую публику, и находились под строгим контролем цензоров, то существует иной письменный источник, казалось бы, говорящий голосом простого мусульманина. Речь идет о солдатских письмах. Однако они также далеки от передачи подлинных настроений авторов. Несмотря на то, что в архивах и библиотеках их сохранилось значительное количество, тем не менее, их содержательная ценность относительно мала. Солдаты были отлично осведомлены, что их письма проходят перлюстрацию, что в случае негативной информации эти места будут в лучшем случае вымараны цензорами.

Более того, в силу значительной неграмотности солдат, состоявших преимущественно из крестьян, а также чтобы избежать утечки ненужной информации, в годы войны были разработаны т.н. «шаблоны солдатских писем», которые издавались массово типографским способом.¹⁵ В этих шаблонах был стандартный, проверенный и утвержденный военной цензурой текст, а также литографированная картинка с изображением военных действий. Солдатом только оставалось подписать такое «письмо домой». Понятно, что индивидуальности и правды жизни в таких письмах не было.

14 Цит. по: Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великая война и общественное сознание: прератности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquium. С. 60.

15 См. подробнее: Амерханова Э. Издательские шаблоны писем солдат Первой мировой войны // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2014. № 1/2. С. 133–142.

Но даже те письма, что писались от руки и лично, редко когда были правдивы до конца. Солдаты отлично знали, что эти отправляемые по почте письма будут прочитаны офицерами и если не понравятся им, то могут быть уничтожены, а автор письма мог подвергнуться наказанию.¹⁶ Несмотря на все ограничения, анализ содержания таких писем может передать если не подлинные мысли их авторов, то определенные настроения и чувства. В частности, исследователи отмечают, что письмам мусульман присущи большой фатализм и пессимистические настроения.¹⁷

«Визуальный поворот» в современных социо-гуманитарных исследованиях оказал довольно сильно влияние на постановку исследовательских задач и используемый рабочий инструментарий теми учеными, которые в изучении Первой мировой войны переходят от анализа и описания «боевых операций» к осмыслению «войны образов». Однако в многочисленных работах, появившихся за последнюю четверть столетия и базирующихся на визуальных источниках, «исламская» составляющая остается все еще ничтожно малой. Ученые, изучающие «мир российского ислама», по-прежнему, пребывают в поле нарратива, больше доверяя слову, нежели образу. Пресса и публицистика, наравне с разнообразными архивными документами, выступают как доминирующий тип исторического источника.

Военная информационная кампания велась не только средствами печатного слова. Не менее успешно она осуществлялась посредством «визуальных образов». Помимо традиционных принтмедиа (газеты и журналы), возросло распространение и значение новейших СМИ — иллюстрированных изданий и фотографий, кино и звукозаписей. Мировая война привела к расцвету пропагандистского плаката и карикатуры, дала новое дыхание традиционному российскому лубку, сделала необычайно популярными почтовые открытки с патриотическим содержанием и пр. Карикатуризация врага рассматривалась как одно из эффективных способов ведения пропагандистской войны. К этому оружию прибегали пропагандистские органы всех воюющих стран.¹⁸ В то же время, цензоры

16 Одну из первых подборок таких писем см.: Максимов А., Медведев В., Юсупов Ш. Царская армия в период первой мировой войны и Февральской революции: сборник. Казань, 1932. Литература о таких письмах довольно обширна.

17 Анализ татарских писем также см.: Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Казань, 2015. С. 120–132.

18 Demm von Eberhard, ed., *Der Erste Weltkrieg in der internationalen Karikatur* (Hannover, 1988); Hubertus F. Jahn, *Patriotic Culture in Russia during World War I* (Ithaca, London, 1995); U. Oppelt, *Film und Propaganda im Ersten Weltkrieg: Propaganda als Medienrealität im Aktualitäten- und Dokumentarfilm* (Stuttgart, 2002); Stephen Norris, *A War of Images: Russian Popular Prints, Wartime Culture and National Identity, 1812–1945* (Dekalb, 2006); Pearl James, ed., *World War I Posters and Visual Culture* (Lincoln, Nebraska, 2009); Anton Holzer, *Die andere Front. Fotografie und Propaganda im Ersten Weltkrieg*. 3 Aufl. (Darmstadt, 2012); Смородина В.А. Русский военный фоторепортаж на фронтах Первой мировой:

гораздо строже относились к печатному слову, нежели помещаемому в издании рисунку или фотографии, поскольку им было сложно связать изображение с тем или иным пунктом перечня запрещенных к публикации сведений.

В российской визуальной пропаганде важную роль играла религиозная символика: изображения разрушенных неприятелем церквей и монастырей на оккупированных территориях должны были показать варварство врага, служили обвинением в неуважении к религиозным чувствам местных народов.¹⁹ В целом, тон всей последующей государственной пропаганде был задан манифестом Николая II от 20 июля 1914 г. об объявлении войны, который провозглашал единство славянских народов перед лицом врага («следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами...»). Таким образом, религиозные мотивы христианского единства служили задаче национальной солидарности и мобилизации всех славян. Очевидно, изображая русскую армию в качестве «христоролюбивого воинства», воюющего за святое дело, правительственные пропагандисты не принимали в расчет симпатии, мысли и религиозные чувства мусульман.

По мнению ряда исследователей, во всех государственных средствах воздействия на общество — печать, кино, театр, школа, церковь — пропаганда военных усилий занимала недопустимо малое место.²⁰ В отношении российских мусульман возможности государственного воздействия были еще слабее: школа, пресса и религиозные институты находились под общим контролем, но вне реального воздействия государства, а новые визуальные средства (кино, фотография и пр.) имели чрезвычайно узкую сферу распространения в силу «недомодернизированности» большинства российских мусульман. Следует также согласиться с мнением П. Холквиста, что «тотальную войну невозможно осуществить одними только специальными мерами со стороны государственного аппарата: для этого требуется самоорганизация общества через войну и во имя войны».²¹ Была ли такая самоорганизация мусульманского сообщества «во имя войны»? Ответом могут служить слова депутата Думы 4-го созыва,

особенности развития и персоналии // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 115–135; Цыкалов Д.Е. Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. 2012. № 1 (21). С. 85–90; Лейдингер Х. Визуализация Восточного фронта в Австро-Венгерской пропаганде Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 112–128.

19 Лейдингер. Визуализация Восточного фронта. С. 119–120.

20 Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquiuma. С. 60.

21 Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: Российская катастрофа (1914–1921) в Европейском контексте // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquiuma. С. 97.

члена мусульманской фракции Ибн. Ахтямова, высказанные им в ответ на упреки своего коллеги К.-М. Тевкелева в бездействии: «Вы пишете, что мы ничем себя не проявили за время войны как национальная политическая группа. Да, но если считаться с настроением мусульманских общественных кругов, то право же, нечего было нам и проявлять, ибо эти круги обнаружили полное политическое банкротство, что особенно ясно выяснилось за этот военный период» (17 декабря 1915 г.).²²

Волго-Уральские мусульмане: объект или субъект пропаганды?

Подъем патриотизма в условиях войны зачастую выливался в погромные настроения и действия против врагов, реальных и вымышленных, что определяло общую атмосферу в стране. В 1914–1915 гг. властям с трудом удавалось сохранять баланс между патриотическими и «погромными» настроениями. Причем, если гражданские власти были больше за сохранение правопорядка, то военные власти нередко не только не ограничивали, но даже поощряли участие солдат в погромах, грабежах и насилии, особенно в прифронтовой зоне.²³ В 1915–1916 гг. «погромная атмосфера» стала повсеместной, порождая и усиливая шпиономанию и поиск врагов. Очень быстро рассказы и слухи об изменах, о врагах и шпионах стали основной чертой российского политического пейзажа.

Более того, «неправильная» национальная или религиозная принадлежность, также, как и подозрения в недостаточной лояльности, могли стать достаточной с точки зрения властей причиной для репрессий, экспроприаций, депортаций и пр.²⁴ Если до 1914 г. можно было конфисковать имущество только тех людей, которые были обвинены в государственной измене, то в годы войны стали массовыми случаи изъятия собственности и изгнания из родных мест людей только лишь заподозренных в шпионаже. Конечно, едва ли мусульмане отождествляли себя с «подданными вражеских стран», которые стали основной жертвой погромной кампании. Но мусульмане не могли не осознавать, что, публично выражая симпатии в адрес единоверцев — подданных Османской империи, они могли быстро оказаться в статусе «шпиона» или «врага» с угрозой последующих

22 Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 465.

23 Eric Lohr, *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I* [Russian Research Center Studies] (Cambridge: Harvard Univ. Press, 2003), pp. 31–54.

24 Наиболее красноречивые примеры «неправильной» национальности, со всеми вытекающими последствиями — еврейская и немецкая. Подробнее см.: Шульга И.И. Воинская служба поволжских немцев и ее влияние на формирование их патриотического сознания (1874–1945 гг.). Дисс. ... к.и.н. Саратов, 2001; Миллер А. Империя Романовых и евреи // Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008. С. 96–146.

репрессий в виде выселения и конфискации имущества. «Этнические чистки» в период войны затронули и мусульман в приграничных областях: в начале 1915 г. из Крыма вглубь России и Центральной Азии было выселено несколько тысяч крымских татар с турецкими паспортами, из двух кавказских областей (Карской и Батумской) — более десяти тысяч мусульман, подданных российского царя.²⁵ Бедственное положение закавказских мусульман становилось темой газетных публикаций, ряда запросов и выступлений мусульманских депутатов. Тогда же был принят сбор благотворительных пожертвований.

В конце 1914 г. на территории России появляются и первые турецкие военнопленные. Общая численность варьировалась от 50 до 65 тыс. человек, из которых офицеров к началу 1918 г. оставалось порядка 3 тысяч человек. Опасаясь распространения панисламизма, власти стремились распределять их в регионах без мусульманского населения. Поэтому большинство турок, попавших в российский плен, были вынуждены «стойко» переносить сибирские морозы. Очевидно, что смертность среди них была довольно высокой. В начале 1916 г. полиция предприняла расследование деятельности «татарско-турецкой организации», которая будто бы занималась подготовкой побега из России турецких военнопленных. Если не считать отдельных фактов побега, никакой полномасштабной сети выявлено не было, также как полицейские чины не смогли набрать достаточных свидетельств антипатриотизма татар.²⁶

В условиях всеобщей подозрительности и постоянных поисков врага лояльность окраинных мусульман, как и мусульман внутренней России, вызывала у властей серьезное беспокойство. В основном опасались роста панисламистских настроений, а также сепаратизма на окраинах. Поскольку часть фронта проходила по территории, населенной мусульманами (Кавказ, отчасти Крым), нужно было сохранить лояльность мусульманских народов в этом регионе. Страх перед панисламизмом (все равно, реальным или мифическим) и сепаратизмом на его основе не был эксклюзивной чертой российской администрации: аналогичные опасения и фобии были характерны для политических элит всех европейских

25 Lohr, *Nationalizing the Russian Empire*, pp. 151–152, 159–160 (в русском переводе — С. 178–179, 188). В случае крымских татар речь шла о тех татарах, которые регулярно ездили в Османскую империю на заработки. Среди выселенных с Кавказа мусульман довольно большой оказалась доля аджарцев-мусульман. И в том, и в другом случае понадобилось много времени и сил, чтобы добиться отмены выселения и права возвращения на родину. Правда к этому времени, их собственность часто оказалась уже в чужих руках.

26 Биографии отдельных турецких военнопленных и об участии в их судьбе казанских татар подробнее см.: *Габдрафикова, Абдуллин*. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). С. 215–220.

держав, имевших в своих владениях значительные группы мусульманских подданных.²⁷

О наличии у властей подобных фобий можно судить, преимущественно, по донесениям и отчетам репрессивных органов (Департамента полиции, жандармских учреждений на местах и цензурных комитетов), а также материалам русскоязычной прессы. Если прислушаться к источникам, доносящим голоса самих мусульман, то сепаратистские и панисламистские настроения встречались гораздо реже. Если они и бытовали, то публично не озвучивались, распространяясь в виде слухов, кулуарных разговоров и глухого недовольства.²⁸

В случае с российскими мусульманами (вне зависимости, были ли это окраинные мусульмане или же проживавшие внутри страны) очаг и основная угроза распространения панисламистских настроений виделась властям в Османской империи. Правда донесения агентов из Турции, даже в мирных условиях, свидетельствовали о слабой распространенности панисламистских настроений среди турецкого населения, слишком погруженного в свои местные дела и заботы.²⁹ Несмотря на такое мнение осведомленных экспертов, официальные лица в России продолжали «пестовать свои раздутые страхи» перед панисламизмом и подрывной деятельностью Османской империи, распространяя подобные опасения в публичном пространстве.

Помимо контроля за настроениями подданных, важную роль играла внутренняя пропаганда, выступавшая как фактор регулирования морально-психологического состояния общества и мобилизации ресурсов в чрезвычайных условиях. Многие исследователи полагают, что мобилиза-

27 Adeeb Khalid, "Pan-Islamism in Practice: The Rhetoric of Muslim Unity and Its Uses," Elisabeth Özdalga, ed., *Late Ottoman Society: The Intellectual Legacy* (London, 2005); Michael A. Reynolds, *Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918* (Cambridge, 2011), pp. 89–94. Аналогичные опасения мусульманского сепаратизма беспокоили и руководителей стран-союзниц России — Англии и Франции. См.: Martin Thomas, *Empires of Intelligence: Security Services and Colonial Disorder after 1914* (Berkeley: Univ. of California Press, 2008), pp. 79–82; Reynolds, *Shattering Empires*, p. 89. Впрочем, эта проблема не была порождена лишь военным временем. Имперским элитам религиозная приверженность к негосударственной конфессии подчас представлялась трудно совместимой со стандартами светского законопослушания подданного, с «цивилизационной лояльностью». Подробнее см.: Долбилов М. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 230 и др.

28 О настроениях казанских татар, о лояльности и скрытом недовольстве, подробнее см.: Усманова Д.М. Мусульманские депутаты Государственной Думы о российско-турецких взаимоотношениях накануне и в период первой мировой войны (1907–1916) // Исторические Записки. 8 (126). М., 2005. С. 253–266.

29 См., например, донесения посла Н.В. Чарыкова, посылаемые им в 1910 году. См.: Reynolds, *Shattering Empires*, p. 92.

ция общественного мнения требовала от властей максимума технических и промышленных ресурсов, использования опасной риторики и реверансов и уступок в сторону меньшинств, национальных и сепаратистских движений, что делало систему уязвимой перед революцией как побочным продуктом затянувшейся войны. Впрочем, так далеко никто не загадывал, будучи озабоченным текущими задачами.

Известно, что в самом начале войны (1 августа 1914 г.) устами Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича полякам было дано обещание после успешного окончания войны провозгласить польскую автономию. Наряду с очевидным пан-славянизмом, в риторике имперских властей чрезвычайно важными были освободительные мотивы (освобождение братьев-славян), а также апеллирование к этническим чувствам и настроениям, особенно акцентированное с началом военной кампании на территории Австро-Венгрии и Польши. Фактически в оккупированных западных зонах, происходило соперничество империй в национальном вопросе, что способствовало взрывному росту национализма в этом регионе.³⁰ Едва ли имперские власти осознавали, что такая пропагандистская риторика — обоюдоострое оружие, дающее надежды и провоцирующей представителей иных национальных групп, с ревностью взиравшей на эти обещания будущей автономии и дополнительных прав, раздаваемых полякам и галицийским украинцам.

Какие же обещания были даны мусульманам? Что было предпринято властями с тем, чтобы оказать воздействие на умы мусульман для сохранения их лояльности и осознания мусульманами причастности к общей истории и судьбе? Была ли какая-нибудь агитация в печатной или визуальной форме, обращавшаяся к разуму, сознанию, или же воздействовавшая на чувства и эмоции мусульман? Ответ может быть лаконичным — практически нет.

Одним из немногих «реверансов» в сторону мусульман стало допущение на фронт на казенный счет ограниченного числа мусульманских священнослужителей, а также отсрочка от призыва в действующую армию до конца учебного года для преподавателей медресе.

«Позитивная» пропаганда, обращенная к мусульманам, агитация, склонения их на свою сторону, обещания будущих уступок или благ — практически ничего из возможного набора увещеваний предпринято не было. В этом можно было бы усмотреть безразличие к мнению мусульманского населения, или же уверенность в его лояльности. Но поскольку материалы ведомственной переписки говорят об обратном, речь должна идти, скорее всего, о недооценке важности позитивного мнения мусульманского населения, особенно в условиях затягивающейся войны. Только после вступления Турции в войну на стороне Тройственного союза и

30 von Hagen, *War in a European Borderland*, pp. 20–22; Миллер А. Империя Романовых и национализм. С.173 и др.

объявления всем врагам Германии священного джихада, глава Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) Мухамедьяр Султанов выпустил фетву — призыв к российским мусульманам выступить против Германии, Австрии и даже единоверной Турции: «Русское государство есть наше отечество, дорогое и милое сердцу как нашему, сердцу мусульман, так и сердцу всех живущих в нем народов. И во время прежних войн, защищая отечество, русские мусульмане высказывали великие самопожертвования, и во время настоящих, происходивших перед нами событий, они, Бог даст, выкажут с избытком еще раз свой патриотизм» (14 октября и 11 ноября 1914 года).³¹

Говоря о пропаганде в связи с мусульманским населением, следует отметить, что основная активность и усилия властей были сосредоточены на контрпропаганде, являющейся ответом на предпринятые врагом действия. В частности, для организации контрпропаганды были привлечены некоторые лояльные и проверенные мусульманские деятели: муфтий ОМДС Мухамедьяр Султанов, столичный ахун Мухаммед-Сафа Баязитов, известный публицист Магомет Хаджетлаше. Если муфтию как официальному главе ОМДС было поручено составить официальный призыв, то близкий к правительственным кругам столичный ахун Сафа Баязитов использовался для сбора сведений в контрпропагандистских целях.

В самом начале 1915 г. столичный ахун получил письмо от русского посланника в Турции А. Смирнова, содержавшее просьбу сообщить «сведения об истинном положении русских мусульман для распространения их среди зарубежных мусульман», с тем, чтобы противостоять «лжи Турции». В ответ на этот запрос Сафа Баязитов дал развернутое описание настроений, царивших среди мусульман не только столицы, но и империи в целом. Эти сведения, составленные, безусловно, с опорой на официальные данные (Департамент духовных дел иностранных исповеданий) ДДДИИ, должны были использоваться в дальнейшей пропагандистской войне против Османской империи.

Хотя оба документа сохранились в архиве ДДДИИ лишь в копиях, без даты и без подписи, тем не менее, по косвенным свидетельствам можно определить дату написания ответного документа как февраль-март 1915 года.³² В своем ответе ахун описывал ситуацию с положением мусульманских подданных империи как совершенно идиллическую. По его мнению, все свидетельствует о полной религиозной свободе для мусульманских подданных, объявленной еще Екатериной Великой: на 17 миллионов мусульманских подданных в стране имеется 24581 исламская община, 26960 богослужебных зданий (в том числе, 10965 соборных ме-

31 Цит. по: *Исхаков*. Первая мировая война глазами Российских мусульман. С. 420.

32 Идентификация по фразе «вот уже 8-й месяц, как продолжается Великая европейская война». Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, оп. 133, д. 603, лл. 2-7.

четей), 46492 духовных лица и пр. Помимо этого, имеется большое количество религиозных и культурно-просветительских мусульманских обществ: 5 религиозных, 47 благотворительных, 35 просветительских. Большое количество религиозных общин, духовных лиц и богослужебных зданий демонстрирует, полагал М.-С. Баязитов, что мусульмане в империи наделены всеми правами и могут совершенно свободно отправлять свои религиозные потребности и нужды. Вследствие этого, все народности России живут на своей родине прекрасно, говорят на своем языке, имеют все права на сохранение своих обычаев и культуры. По той причине, что мусульмане чувствуют себя прекрасно, они сражаются с врагами России наравне с другими народностями страны. Общее резюме данного ответа, весь тон которого был радужным и восторженным, было однозначным: клеветать на Россию является большим грехом.

Возможно, настроения и мысли Сафы Баязитова были вполне искренними и даже бескорыстными. Но насколько они отражали доминирующие в мусульманской среде настроения? Когда в июле 1915 г., вопреки ожиданиям и пожеланиям татарской общественности, вместо умершего М. Султанова, Сафа Баязитов срочном порядке был назначен главой ОМДС, соотношение телеграмм с протестами и телеграмм в поддержку нового муфтия было примерно равным (30 против 28). Вероятно, это могло создать впечатление паритета настроений.³³ Но это было не совсем так. Верноподданническая деятельность Сафы Баязитова неизменно вызывала острую публичную критику татарской общественности и закончилась для него весьма печально: как только в Феврале 1917 года пала имперская власть, тут же последовало «падение» чрезмерно лояльного и усердного в проявлении верноподданнических настроений муфтия.

Другим «верным слугой престола» в деле ведения контрпропаганды был известный публицист Магомет Хаджетлаше.³⁴ В феврале 1916 года он представил в Департамент полиции план создания целой системы «антигерманской» пропаганды «по мусульманскому вопросу».³⁵ Он предлагал наладить серию пропагандистских изданий антинемецкой направленности, а также «перенаправить» паломничество мусульман из Мекки и Медины в Бухару, где паломники были бы под большим контролем российских властей, нежели на территории вражеской Османской империи. Инициативы М. Хаджетлаше были всецело поддержаны директором ДП

33 Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005. С. 402.

34 Бессмертная О.Ю. «Мусульманский Азеф» или игра в Другого: метаморфозы Магомет-Бека Хаджетлаше // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2012. № 9. С. 209–298.

35 Арапов Д.Ю. Мусульмане России в годы Первой мировой войны // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве: Сб. статей. Казань, 2014. С. 422–423.

генералом Е.К. Климовичем, однако практической реализации не последовало. Впрочем, учитывая дурную репутацию инициатора в мусульманской среде (чего только стоит реакция татарской прессы и общества на издаваемый им журнал «Мусульманин»), реализация этих проектов привела бы лишь к пустой трате казенных средств.

Царское правительство проявляло полную бездеятельность, не используя новых действенных инструментов, в частности, не создав в годы войны ни одного визуального образа (плаката, картины, открыток, фильма и пр.), имевшего адресатом именно российских мусульман.³⁶ Показателен пример пропагандистской публикации в виде статьи «Татарин-герой», появившейся в феврале 1917 г. в журнале «Нива» под рубрикой «Незаметные герои фронта». Примечательная концовка статьи, живописавшая геройский подвиг татарина Гильманова: «Вот как наши доблестные мусульмане отвечают на призыв своих единоверцев стать под зеленое знамя пророка. Русские мусульмане свято исполняют долг присяги и беззаветно проливают кровь за Россию наравне с прочими ее верноподданными».³⁷ Очевидно, что такие публикации были, во-первых, обращенными к русскоязычному читателю, во-вторых — единичными, а в-третьих — запоздалыми.

После того, как Турция вступила в войну на стороне Германии, страхи и опасения властей в отношении панисламистских настроений среди мусульман стали усиливаться. В 1915 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков разослал губернаторам и в ДДЦИИ, специальный циркуляр, которым было рекомендовано «впредь до выяснения отношения русских мусульман к происходящим военным событиям и настроения мусульман» (а фактически до окончания войны) полностью приостановить открытие и регистрацию мусульманских организаций, не носящих исключительно благотворительный характер. Очевидно, что эта мера касалась всех культурно-просветительских организаций, особенно создаваемых татарами. Следуя указаниям министра, глава Департамента духовных дел отвечал: «Как показывает опыт, обычно учредителями и главными деятелями в разного рода мусульманских организациях являются если не исключительно, то по преимуществу, татары. В силу такого фактического преобладания татарской народности означенные организации в местностях со смешанным по национальности мусульманским населением легко могут стать орудиями татаризации мусульман, принадлежащих к другим народностям. По этим соображениям, в каждом отдельном случае весьма же-

36 Стоит сказать, что большевистские власти в этом вопросе были гораздо более деятельными. Например, они активно использовали плакаты и рекламные материалы, адресованные мусульманам, как в годы гражданской войны, так и в период антирелигиозной кампании 1920–1930-х гг. См.: Лучшев Е. Советский антирелигиозный плакат в собрании Государственного музея истории религии. СПб., 2010; Плакат советского Востока, 1918–1940. Альбом-каталог. М., 2013.

37 Татарин-герой // Нива. 1917. № 8.

лательно возможно точное выяснение, не вызывает ли то или иное вновь учреждаемое мусульманское общество, по составу учредителей и по их общему направлению или по иным основаниям, каких-либо опасений именно в указанном направлении» (сентябрь 1915).³⁸ На основании этого циркуляра происходило ограничение в деятельности существующих культурно-просветительских организаций и торможение в регистрации и открытии новых обществ. Поэтому общая активность представителей татарской общественности в годы войны заметно снижается.

К тому же, еще свежи были воспоминания о волне репрессивных действий в отношении мусульманских общественных и благотворительных организаций, а также ряда влиятельных и авторитетных персон (Г. Баруди, братья Буби и др.), предпринятых российскими властями в 1910–1912 гг. под лозунгом борьбы с панисламизмом. Очевидно, что традиционные симпатии к Турции, принадлежавшей к иному военному лагерю, отныне воспринимались не только как отсутствие лояльности и панисламизм, но и как симпатии к врагу.

Немногочисленные факты привлечения мусульман к контрпропагандистской деятельности, невысокий авторитет этих пропагандистов, а также незначительный эффект всех усилий — все это говорило о том, что у правительства было слишком мало ресурсов для реализации позитивной программы, а потому оно чаще прибегало к репрессивным действиям. Т.е. репрессии и устрашения казались более удобным средством воздействия на мусульман с целью сохранения их лояльности, нежели использование широкого арсенала позитивной агитации.

Исламская и антиисламская пропаганда в России и за рубежом: МУСУЛЬМАНЕ-ЭМИГРАНТЫ КАК ФАКТОР ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

С началом Первой мировой войны мусульманские общественные деятели оказались в сложном положении. В условиях всеобщего патриотического подъема в первые месяцы войны и усиления обычной подозрительности властей в отношении мусульман, последние были вынуждены несколько снизить свою общественную активность.

В то же время, Первая мировая война значительно активизировала деятельность мусульман, оказавшихся в силу ряда причин за пределами своей родины, т.е. в плену, в вынужденной эмиграции, на учебе и пр. В начале 1915 года в Турции был создан «Комитет защиты прав мусульманских тюрко-татарских народов России» (“Society for the Defense of the Rights of Turko-Tatar Muslims Resident in Russia”) во главе с Юсуфом Акчурой, покинувшим Россию еще в 1908 году и обосновавшемся в турецкой столице. Комитет объединял представителей различных мусульманских народов России на международной арене, прежде всего в воюющей Ев-

38 РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 473, лл. 529–530.

ропе. В конце 1915 года члены комитета посетили ряд европейских столиц — Будапешт, Вену, Берлин, Софию. Первая поездка по европейским странам продлилась более месяца. 22 января 1916 года члены комитета вернулись в Стамбул. В период вояжа по европейским столицам, члены комитета наряду с установлением контактов, вручали официальным государственным деятелям специальный «Меморандум»,³⁹ содержащий национальные требования мусульман и подписанный представителями поволжских (казанских), туркестанских и крымских тюркоязычных народов. Поездка тюрко-татарской делегации по европейским городам породила в прессе многочисленные, порой весьма нелепые толки и предположения: осенью 1915 года по указанию МВД местная полиция всерьез зондировала настроения казанских мусульман на предмет того, не пытаются ли они возродить «Казанское ханство».⁴⁰ Расследование показало абсурдность подобных подозрений и отсутствие каких-либо оснований для опасений.

Стремясь воздействовать на общественность, члены комитета выступали с публичными лекциями и докладами. В частности, в декабре 1915 года в зале Венгерской Национальной Академии в Будапеште Юсуфом Акчурой была прочитана лекция на тему «Настоящее положение мусульман тюрко-татар России и их устремления». Позднее ее текст был опубликован в виде двух отдельных брошюр на немецком и французском языках.⁴¹

Представители мусульман империи также вошли в состав «Лиги нерусских народов России» (*The League of Alien Peoples of Russia / Ligue des peuples allogenes de Russie / Fremdvoelkerbund Russlands*), образованной весной 1916 года при активном участии немецких спецслужб.⁴² 7 мая 1916 года руководители Лиги обнародовали одновременно в Стокгольме и Лозанне в США меморандум на имя президента Вудро Вильсона с призывом спасти угнетенные народы России от «разрушения и исчезновения». По мнению исследователей, несмотря на публикацию в прессе, воззвание имело незначительный эффект и слабые последствия, не считая того, что российский Департамент полиции вынес предписание арестовать всех подписантов. Один из них, депутат Государственной думы Михаил Лэмпицкий, был сначала исключен из Польского коло, а позднее лишен депу-

39 Текст «Меморандум» см.: Yussuf Aktschura Oglu, "Denkschrift des Komitees zum Schutze der Rechte der mohammedanischen türk-tatarischen Völker Russlands," *Die Welt des Islams* IV (1916), pp. 33–43.

40 РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 598, лл. 275–276 об.; НАРТ, ф. 1, оп. 6, д. 1147.

41 Jousouff Akchoura-Oglu, *L'Etat actuel et les aspirations des Turco-Tatares Musulmans en Russie* (Lausanne, 1916), 14 (16) pp.; Idem, *Die gegenwärtige Lage der mohammedanischen Türko-Tataren Russlands und ihre Bestrebungen* (Bern, 1916), 12 pp.

42 "The League of Alien Peoples of Russia," Alfred Erich Senn, *The Russian Revolution in Switzerland* (Madison: The Univ. of Wisconsin Press, 1971), pp. 176–189; Seppo Zetterberg, *Liga der Fremdvolker Russlands. 1916–1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvoelkern Russlands im 1. Weltkrieg* (Helsinki, 1978), 279 pp.

татского звания (15 декабря 1916). Формальным поводом для исключения из состава Думы было непосещение думских заседаний (накануне войны он находился в Швеции, а в годы войны — в оккупированной немцами части Польши), однако фактически — подписание меморандума и «антироссийская позиция».

От имени тюрко-татар мусульман под документом стояла подпись известного татарского религиозного и политического деятеля Габдерашида Ибрагимов, переехавшего в 1915 году из Турции в Германию с целью пропагандистской деятельности среди мусульманских военнопленных. Помимо американского президента, представители казанских татар обращались и к другим мировым авторитетом. В частности, тот же Г.-Р. Ибрагимов написал большое письмо на имя Папы Римского, в котором призывал главу Католической церкви употребить весь свой авторитет защитника христианских ценностей и принципов на недопущение угнетения российских мусульман.⁴³ Письмо было обнародовано в немецком журнале «Der Neue Orient».⁴⁴ По некоторым сведениям, председатель мусульманской фракции ГД Кутлуг-Мухаммед Тевкелев был вынужден давать объяснения по поводу деятельности членов стамбульского и лозаннского комитетов, доказывая непричастность к ней парламентариев-мусульман.⁴⁵

Наконец, при активном участии Лиги, 27–29 июня 1916 года в Лозанне (Швейцария) состоялся третий Съезд угнетенных народов (*Congress of Oppressed Peoples*),⁴⁶ на котором присутствовали эмигрантские представители практически всех малых народов Европы, в том числе и от нерусских народностей России. В работе съезда приняло участие, по разным данным, от 40 до 400 человек. Несмотря на различные ожидания, среди участников съезда оказались довольно сильными «про-союзнические» (*pro-Entente*), и, в то же время, антироссийские настроения. Особенно часто они звучали в речах польских и грузинских делегатов. Резонанс от речей и решений съезда в европейской прессе был значителен. Примечательно, что участники съезда и руководители Лиги контактировали,

43 Габдерашит Ибрагимов: Мое письмо Папе Римскому // Габдерашит Ибрагим: научно-биографический сборник (на татарском языке). Казань, 2011. С. 203–211 (публикация Д.М. Усмановой).

44 См.: *Der Neue Orient*. Berlin. Bd. 2. № 2. pp. 54–55.

45 Edige Kirimal, *Der nationale Kampf der Krimtürken. Mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917–1918* (Emsdetten, Westf., 1952), p. 32.

46 Решения съезда см.: *Compte rendu sommaire de la IIIme Conference des Nationalities réunie a Lausanne 27–29 juin 1916* (Lausanne, 1916). Первые два съезда состоялись в Париже в 1912 и в мае 1915 г. Обстоятельства подготовки третьего конгресса и ход его работы подробнее см.: “The League of Alien Peoples of Russia,” Senn, *The Russian Revolution in Switzerland*, pp.180–188; Греков Б.И. Национальный аспект внешней политики Германии в годы Первой мировой войны (Лига нерусских народов России) // Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998. С. 429.

в том числе, и с лидером кадетов П.Н. Милюковым, нанедем в июне 1916 г. визит в Швейцарию. Однако понимания и согласия между ними достигнуто не было.⁴⁷ Также по непроверенным данным, Юсуф Акчура встречался и с лидером радикальных социалистов (В.И. Ленин), находившемся в то время в швейцарской эмиграции.⁴⁸ Была ли такая встреча и какие разговоры происходили на них, достоверно неизвестно. Очевидно, в среде эмигрантов шел поиск возможных союзников вне зависимости от конкретной политической ориентации *визави*. Сами по себе такие контакты еще ничего не значили. Так или иначе, объективно поддерживая развитие национального вопроса в Восточной Европе, руководители Лиги шли разрез с немецкой экспансионистской политикой. Как показывает исследование Alfred Erich Senn, далеко не все участники Лиги знали о тесных контактах ее руководителей с немецким правительством. Некоторые даже полагали, что финансовую помощь Лиге осуществляли немецкие предприниматели. К тому же многие действия Лиги (открытие в Берне информационного бюро, издание Бюллетеня национальностей России) вызывало у немецких «покровителей» головную боль.⁴⁹ В общем, каждая из сторон преследовала свои цели, не будучи осведомленным в целях и интересах другой стороны.

Татар на съезде представлял Юсуф Акчура, выступивший от имени «тюрко-татар внутренней России». Обстоятельства участия в форуме татарского лидера, по мнению Майкла Рейнолдса, весьма показательны: в день открытия съезда (27 июня) Юсуф Акчура, находившийся в это время в столице Болгарии, все еще томился в ожидании паспорта. Только после некоторых дополнительных усилий и активной переписки, он получил искомый документ. Таким образом, он смог добраться до столицы Швейцарии только на третий день работы конгресса. И его участие в работе съезда оказалось минимальным. Выступив под занавес работы форума от имени тюрко-татар (но не от имени всех российских мусульман!), Юсуф Акчура озвучил прежние упреки в адрес российского правительства, чья деятельность приводит к деградации татарского языка и ущемлению культурных и религиозных интересов казанских татар. Речь закончилась традиционным требованием автономии для тюрко-татар, без конкретизации формы автономии — территориальной или же культурно-национальной.

47 Хотя П.Н. Милюков в своих мемуарах и не упоминает о личных контактах, тем не менее, он подробно останавливается на решениях съезда. См.: *Милюков П.Н. Воспоминания*. М., 1991. С. 431. О позиции лидера российских либералов по национальному вопросу подробнее см.: *Шелохаев В.В. Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: пролог XX века*. С. 355–366.

48 Shissler Ada Holland, Ahmet Agaoglu (Aghayev), *Turkish Identity between Two Empires, 1869–1919* (Diss. Univ. of California, 1995), p. 265.

49 Senn, *The Russian Revolution in Switzerland*, pp. 198–199.

Несмотря на свое высокое положение в интеллектуальной элите Османской империи и тесные контакты с младотурками, а также реноме идеолога турецкого национализма, усилия Юсуфа Акчуры, как и идея общетюркского единства (пантюркизм) в период Первой мировой войны не имели приоритетного значения для новых лидеров Турции. Бездействие турецких властей в вопросе оформления паспорта М. Райнольдс объясняет нежеланием младотурков подогревать национальные интересы колониальных народов внутри своей империи.⁵⁰

В целом, оценивая содержание требований и тональность выступления Юсуфа Акчуры, можно сказать, что позиция его за период с 1905 года практически не изменилась. Такие же автономистские идеи он озвучивал и в своих публикациях 1905–1907 гг.⁵¹ Вероятно, эта умеренность требований татарского политика,⁵² как и содержание его брошюр, позволили П.Н. Милюкову сделать вывод о том, что татары «формулировали свои пожелания в двух пунктах: “равенство гражданских и политических прав” и “национально-культурная автономия”». Оценивая позиции нерусских народностей на съезде, лидер кадетов находил их требования сравнительно умеренными и сдержанными по форме: «Обращение к Вильсону радикальных представителей русских национальностей (тогда же, май 1916 года) даже не формулировало определенных требований, а ограничивалось просьбой «Придите нам на помощь, спасите нас от разрушения». Очевидно, время еще не пришло для решения вопросов этого рода, касавшихся России, в пределах умеренности. Потом [в 1917 году — Д.У.] — положение быстро измениться».⁵³

Требования, сформулированные в меморандуме, в петиции на имя Вильсона, а также в решениях Лозаннского конгресса, озвученные в иных обращениях и в газетно-журнальных статьях, при всей их умеренности, отчасти отражают настроения нерусских народностей России, в том числе и мусульман. То, что не могло быть артикулировано внутри страны, озвучивалось их соотечественники, оказавшимися в силу обстоятельств за пределами России. Эти требования татарских эмигрантов можно оценивать как радикальные лишь с точки зрения «тотальной лояльности»

50 Reynolds, *Shattering Empires*, pp. 129–130.

51 Работы Юсуфа Акчуры того времени см.: *Акчура, Йосыф. әдәби эсәрләр һәм мәкаләләр жыйнтыгы / Мәсгүд Гайнетдинов. Казань, 2011. 777 С.*

52 Кстати, лидер партии кадетов знал Юсуфа Акчуру лично еще по съезду кадетской партии 1906 г., на котором последний выступил против предоставления женщинам политических прав, а также был избран в ЦК партии кадетов. О взаимоотношениях лидеров мусульманских либералов с кадетами см.: История несостоявшегося альянса: к вопросу о взаимоотношениях мусульман с российскими либералами в конституционный период // *Ab imperio*. 2000. № 3/4. С. 127–158; *Она же. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005.*

53 Цит. по: *Милюков П.Н. Национальный вопрос: происхождение национальностей и национальные вопросы в России. Прага, 1925. С. 182.*

российской тюркоязычной прессы в условиях войны. Но была ли эта лояльность адекватна настроениям мусульман внутри страны? Можем ли мы понять адекватно настроениям по официальному властному дискурсу? Вопросы остаются открытыми. Если судить по российской прессе военной поры — позиция эмигрантов отражала лишь маргинальные настроения, характерные только для радикальной части интеллигенции. Однако если же принимать во внимание общественную риторику 1905–1907 гг. или последующие события 1917–1918 гг. — то они представляются весьма умеренными. Вероятно, внутри страны они могли циркулировать лишь в непубличном пространстве только из-за боязни преследований и цензурных ограничений. Или же они могли быть озвучены политиками, находившимися вне российского политического поля.

МУСУЛЬМАНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ КАК ОБЪЕКТ ПРОПАГАНДЫ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И РЕЗУЛЬТАТЫ УСИЛИЙ

Очевидно, что за спиной «Комитета защиты прав мусульманских тюрко-татарских народов России» во главе с Юсуфом Акчурой и Рашидом Ибрагимовым стояли соответствующие турецкие и немецкие спецслужбы. Появление Лозаннского комитета, беспрепятственное перемещение его членов по европейским столицам во время войны, вся активная пропагандистская кампания в тех условиях были возможны лишь при лояльном отношении к ним властей Германии и Турции, которые, весьма очевидно, преследовали свои корыстные цели. Когда осенью 1914 г. Турция объявила джихад Великобритании, Франции и России, именно ей отводилась основная роль объединения всех союзных Германии мусульман и даже задача «революционизирования» мусульманских народностей, в том числе и на российских окраинах. Уже 3 августа 1914 г. заместитель госсекретаря Артур Циммерман телеграфировал в Константинополь о необходимости революционизирования Кавказа, который представлялся именно тем регионом, где смыкаются антианглийские и антироссийские интересы Германии, поскольку через Турцию и Кавказ лежал путь в Багдад.⁵⁴

Но возможности немецкой пропаганды на российских мусульман внутри страны были ограничены. Поэтому одним из основных объектов воздействия германских спецслужб стали мусульманские военнопленные, помещенные в специальных лагерях на территории Германии и Австрии.⁵⁵ В литературе нет точной статистики, сколько всего в европейских

54 См.: Греков. Национальный аспект внешней политики Германии. С. 423.

55 Iskander Gilyazov, "Die Muslime Russlands in Deutschland während der Weltkriege als Subjekte und Objekte der Großmachtpolitik," *Fremdeinsätze: Afrikaner und Asiaten in europäischen Kriegen; 1914–1945* (Berlin, 2000), pp. 143–148; Гилязов, Гагаулина. Российские солдаты-мусульмане.

лагерях содержалось военнопленных из числа российских мусульман. По некоторым данным, всего в годы войны в Германии трудовую повинность отбывали где-то 20000–30000 мусульман, бывших солдат царской армии.⁵⁶ Если же говорить в целом о военнопленных, поданных российской короны, то с августа 1914 г. и по 31 декабря 1917 г. российская армия потеряла пленными 3409433 человека (в том числе 3395105 солдат и 14328 офицеров). Вместе с пропавшими без вести — 3.638.271 человек. Потери пленными составляли 74,9 % всех боевых потерь, или 21,2 % от общего числа мобилизованных на войну. По месту пребывания российские военнопленные распределялись следующим образом: в Германии — 42,1%, в Австро-Венгрии — 59,9%, в Болгарии — 0,32%, в Турции — 0,59%.⁵⁷

В условиях усиливающейся информационно-пропагандистской войны военнопленные мусульмане стали рассматриваться не только как возможный объект пропаганды и революционизирования, но и как потенциальный союзник Германии. Поэтому зимой 1914–1915 гг. по указанию Вильгельма II на территории Германии, неподалеку от Берлина, между двумя небольшими городками Цоссен (Zossen) и Вюнсдорф (Wünsdorf), было образовано два специальных лагеря для военнопленных мусульман: „Weinberglager“ [Лагерь на виноградной горе] и „Halbmondlager“ [Лагерь полумесяца]. Аналогичные спецлагеря были и в Австро-Венгрии. Например, специальный лагерь для мусульман из России был устроен в местечке Эгер в Богемии (или современный Хеб / Cheb в Чехии).

Таким образом, значительная часть военнопленных мусульман была изолирована и помещена в отдельные условия. В годы войны (1914–1918) в обоих лагерях содержалось около 15000–16000 военнопленных-мусульман,⁵⁸ как подданных России (в основном, татар и башкир из Волго-Уральского региона, частично представителей северокавказских народов), так и выходцев из мусульманских колоний Франции и Великобритании (арабы, индусы, африканцы и пр.). Доля российских мусульман в этих двух лагерях колебалась от 10000 до 13000 в разное время. Таким образом, в «привилегированном» положении оказалось около половины из военнопленных мусульман.

Недалеко от Вюнсдорфа, в местечке Церенсдорф (Zerensdorf), также было организовано кладбище, на котором хоронили умиравших от ран и болезней военнопленных. По некоторым данным, на этом кладбище похоронено около 2700 солдат, в том числе около 1100 российских му-

56 Reinhard Nachtigal, *Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914 bis 1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld* (Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2005), p. 36.

57 См.: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 4, 39. Цит. по: *Телицын В.Л. Возвращение домой: К истории русских военнопленных Первой мировой войны*. М., 2011. С. 5.

58 Nachtigal, *Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914 bis 1918*, p. 33.

сульман, 700 африканцев, 600 индийцев и пр.⁵⁹ Последние захоронения российских мусульман датируются осенью 1920 года. Кладбище было разбито на соответствующие сектора. 31 июля 1916 г. на татарской части кладбища был установлен мемориальный памятник с надписью: «Могила мусульман казанских татар, которые погибли во время мировой войны при императоре Вильгельме II». Памятник пришел в ветхость во второй половине XX столетия и был восстановлен лишь в начале XXI столетия.

Как уже отмечалось, отдельные лагеря для военнопленных мусульман создавались не только и не столько для изолирования попавших в плен мусульманских поданных враждебных стран, сколько для ведения среди них пропаганды с целью дальнейшего использования в боевых и иных действиях против стран Антанты.⁶⁰ Одним из главных инициаторов и идеологов подобной политики был известный немецкий ориенталист Макс фон Оппенгейм (Max von Oppenheim, 1860–1946), который в начале первой мировой войны подал в МИД Германии докладную записку (меморандум) под говорящим названием «Революционизирование исламских областей наших врагов».⁶¹ В частности, он полагал возможным использовать для ослабления стран Антанты мусульманский фактор под лозунгом «священной войны» (джихад). Главную роль в деле революционизирования мусульман должна была выполнять Османская империя, чей глава носил титул халифа — духовного лидера всех мусульман. Анализ как основных положений концепции Макса фон Оппенхайма, а также обзор откликов современников позволил современным исследователям сделать вывод о неосуществимости этих планов германских властей в отношении восточных стран в том числе и в силу необычайной пестроты

59 Данные об умерших в плену российских военнопленных разнятся, колеблясь от 181900 до 285000 человек. См.: Степанов А.И. Общие демографические потери населения России в период Первой мировой войны // Первая мировая война: пролог XX века. С. 478–479. Примечательно, что смертность среди россиян была выше, чем среди пленных из других стран. Общее количество русских военнопленных, умерших в немецких лагерях, составила 72586 человек или 5,06 % от общего количества, тогда как среди французских пленных — 3%, среди английских — 2%. См.: Нагорная О.С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010. С. 115.

60 Подробнее см.: Gerhard Höpp, *Muslimen in der Mark. Als Kriegsgefangene und Internierte in Wünsdorf und Zossen, 1914–1924* (Berlin, 1997); Гатауллина Л.Р. Из истории создания военных формирований татарских джихадистов в Германии (1915–1916 гг.) (по материалам архива Министерства иностранных дел Германии) // Ученые записки Казанского государственного университета. 2010. т. 155, кн. 3, ч. 2, С. 109–115.

61 О Максе фон Оппенгейме и его концепции революционизирования посредством «джихада» подробнее см.: Gabriele Teichmann, Gisela Völger, *Faszination Orient: Max von Oppenheim: Forscher, Sammler, Diplomat* (Köln, 2003); Stefan Kreuzer, *Dschihad für den deutschen Kaiser: Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918)* (Graz, 2012), 191 pp.

и многообразия исламского мира России, наличия у российских различных интересов и предпочтений.⁶²

Тем не менее, в течение 1914–1915 гг. с пропагандистской целью при МИДе была создана специальная «Восточная новостная служба» (или «Служба информации по Востоку», по-немецки «Nachrichtenstelle für den Orient»). В соответствии с центральной задачей — осуществление пропаганды среди мусульман в странах Антанты и их колониях — ВНС состояла из четырех подразделений, которые вели соответствующую работу на фронте, среди мусульманских военнопленных, в колониях стран-союзниц Антанты (главная цель — британская Индия), а также на территории Германской империи. ВНС издавала журнал «Der Neue Orient» («Новый Восток»), собирала и обрабатывала корреспонденцию из мусульманских стран, а также получаемую от военнопленных-мусульман, содержащихся в указанных лагерях. В обязанности сотрудников ВНС входила и цензура всей корреспонденции, получаемой мусульманскими военнопленными указанными лагерей.⁶³

Исходя из этих пропагандистских задач, условия пребывания военнопленных мусульман в этих лагерях были относительно комфортные.⁶⁴ В лагерях имелись свои молельные дома, довольно богатая библиотека, был организован оркестр народных инструментов, выходили общелагерная газета, а также ряд изданий на татарском, арабском, русском, хинди, грузинском и прочих языках. Деятельность многочисленных творческих коллективов разнообразила монотонную жизнь военнопленных. Помимо прессы, многочисленные фото и фонозаписи родной речи должны были внести свой вклад в пропагандистскую кампанию. С этой же пропагандистской целью на территории лагерей были образованы специальные учебно-производственные колонии, где пленные были заняты в производстве, обучались прогрессивным способам ведения хозяйства и приобретали собственный опыт в использовании новейшей производственной техники. Эти колонии должны были служить образцом дружественного отношения немецких властей к мусульманам, что было частью пропагандистской кампании. Подобная же цель преследовалась и при организации лагерных школ, в которых военнопленные могли учиться грамоте, углублять свои знания, изучать русский и немецкий языки, знакомиться с достижениями Германии в области промышленности, сельского и лесного хозяйства.

62 Подробнее см.: *Гилязов, Гатауллина*. Российские солдаты-мусульмане. С. 22–34.

63 *Усманова Д.* Габдерашит Ибрагим и журнал «Der Neue Orient»: недолгое сотрудничество // Габдерашит Ибрагим: научно-биографический сборник. С. 172–215.

64 *Гатауллина Л.Р.* Религиозно-политическая пропаганда среди российских военнопленных мусульман в Германии (1914–1922). Дисс. к.и.н. Казань, 2011; *Гилязов, Гатауллина*. Российские солдаты-мусульмане.

С целью продемонстрировать свою заботу о религиозных интересах притесняемых народностей, 13 июля 1915 года на территории «Лагерь полумесяца» („Halbmondlager“) была торжественно открыта большая деревянная мечеть.⁶⁵ Мечеть долго оставалась единственной не только в округе, но и в стране. Она функционировала до 1928 г. После закрытия здание простояло вплоть до начала 1930-х гг., когда было снесено за ветхостью. Первоначально обязанности имама выполнял Габдерашид Ибрагимов (1857–1944),⁶⁶ переехавший в 1915 году в Германию из Турции с целью оказания помощи мусульманским военнопленным. Как и большинство других татарских пропагандистов, состоявших на службе германского МИДа, Г.-Р. Ибрагимов проживал за пределами лагеря (в Берлине или Вюнсдорфе), но бывал в лагере не менее четырех дней в неделю, проводя беседы с военнопленными.⁶⁷ Кроме того, Г.-Р. Ибрагимов активно занимался редакционной деятельностью. Одним из важнейших его проектов была газета «Аль-Джихад» (1915–1918), в которой на начальном этапе он выступал в качестве издателя и редактора татарской версии. Впоследствии на посту редактора татарской версии газеты, как и в должности основного лагерного имама, его заменил Алимджан Идриси (1887–1959), выполнявший эти обязанности с марта 1916 г. и вплоть до закрытия лагеря в мае 1922 года.⁶⁸ Большая часть российских военнопленных, в том числе мусульман, была репатриирована на родину после окончания мировой войны до июля 1921 г.⁶⁹ Реальный итог эффективности пропаганды

65 Gerhard Höpp, „Die Wünsdorfer Moschee: Eine Episode islamischen Lebens in Deutschland,“ *Die Welt des Islams* 36 (1996), pp. 204–218.

66 Его биографию подробнее см.: Габдерашит Ибрагим: научно-биографический сборник; Цвиклински, Себастьян, Исламская модель модернизации? Жизнь Габдерашида Ибрагимова в меняющемся мире (конец XIX–начало XX в.) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве XVIII–XX вв. М., 2011. С. 121–136.

67 Примечательно, что в июне 1915 года в Берлин, в лагерь размещения военнопленных мусульман, из Турции приезжал и другой эмигрант из числа казанских татар, находившийся в близких отношениях с элитой младотурков в лице группы «Иттихад и таракки» — Халим Сабит (1883–1946). См.: Gokcek Mustafa, „A Kazan Tatar Contribution to the Late Ottoman Debates on Nationalism and Islam: The Life and Works of Halim Sabit Sibay“ (Diss., Univ. of Wisconsin-Madison), pp. 106–107, 110.

68 Гилязов И.А. Судьба Алимджана Идриси // Гасырлар авазы — Эхо веков. 1999. № 3/4. С. 158–172; Насыров Т. Татарская эмигрантская пресса // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2004. № 2. С. 117–128.

69 Согласно сведениям Исмаила Тюркоглу, который ссылается на документы, отложившиеся в фондах Османского архива, около 200 военнопленных мусульман, содержащихся в лагерях Германии и Австро-Венгрии, приняли подданство Османской империи. Автор приводит их имена с указанием местности, откуда они были призваны на фронт. См.: *Turkoglu, Ismail. Birinci Dunya Savasi Sirasinda Osmanli Vatan-dasligina Alinan Rusyali Musluman Esirler* // Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. Казань, 2006. С. 412–419.

был подведен в декабре 1916 г., когда Военное министерство Германии распорядилось о прекращении пропаганды «джихада» и фактически взяло курс на сворачивание всей агитационной деятельности в этом направлении.⁷⁰

Что касается Г.-Р. Ибрагимова, то в 1915–1918 гг., не оставаясь подолгу на одном месте, он курсировал с политической целью между Германией (Берлин), Турцией (Стамбул), Швецией (Стокгольм) и Швейцарией (Лозанна), участвуя в разных политических акциях, пытаясь объединить всех представителей российских мусульман в борьбе против царского режима. Деятельность Рашида Ибрагимова в полной мере может быть оценена как пропагандистская. Но он всегда имел репутацию пропагандиста и агитатора. Еще в 1905–1906 гг., когда он активно участвовал в организации мусульманских съездов, ездил по стране, издавал газеты и пр., он отличался необычайной «гибкостью» в использовании различных методов. Политические оппоненты, и даже соратники, обвиняли его в беспринципности и использовании недопустимых методов. Но можно ли рассматривать его как предателя? Известно, что приблизительно в 1912 г. Габдерашид Ибрагимов принял подданство Османской империи, а также то, что он активно сотрудничал со спецслужбами различных стран — Германии, Турции, позднее Японии. «Злые языки» утверждали, что он был в активном контакте и с советскими спецслужбами. Думается, что для Рашида Ибрагимова конкретная страна проживания не имела сакрального значения: «мир ислама» — вот его родина. Интересам ислама он оставался верен всегда.

Деятельность мусульманских организаций и отдельных представителей в эмиграции можно оценивать двояко. С одной стороны, публичное признание национальных прав нерусских народностей России было весьма важным условием успешности их действий на международной арене. С другой — подобная деятельность косвенно ударяла по самим народам и их общественным силам внутри страны, усиливала обвинения в «пантюркизме», «панисламизме» и прочих грехах. Поездки членов Комитета по территориям стран, воевавших против России, а также участие мусульманских представителей в работе Лозаннского съезда не могли остаться незамеченными на родине. Российским мусульманам, проживавшим в пределах империи, эта активность зарубежных единоверцев приносила большие проблемы. Именно внутри страны мусульманам приходилось сталкиваться с проявлениями явного недовольства властей, с ростом националистических охранительных настроений патриотических слоев русского общества.

70 Гилязов, Гатауллина. Российские солдаты-мусульмане. С. 291.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя краткий итог, можно сделать несколько общих выводов. У властей всегда были сомнения в лояльности мусульман, но не было никаких очевидных доказательств обратного. Даже осенью 1914 г., после вступления Османской империи в мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии и объявления ею России священной войны (*джихада*) опасность возникновения среди мусульман сепаратистских настроений была чисто гипотетической. Поэтому отношение властей к мусульманам сохранялось неизменно настороженно-подозрительным. Маргинальный статус и двойственное положение мусульманских общественных деятелей заставляло их действовать или высказываться публично с максимальной осторожностью. Накануне и особенно во время мировой войны представители мусульманской политической элиты должны были выработать такую линию поведения, которая позволила бы им с минимальными потерями пройти между «сциллой» преобладающих в мусульманском сообществе настроений и симпатий к единоверной Турции и «харибдой» необходимостью сохранять лояльность к отечеству и правящему режиму.

Но если поведение мусульманского населения Европейской части России, довольно далеко отстоявшего от фронта боевых действий, не вызвало у властей особых опасений (особенно после проведения тщательного мониторинга⁷¹), то с мусульманским населением имперских окраин, особенно соприкасавшейся с фронтом, было намного сложнее. Речь идет, в первую очередь, о кавказских, закавказских мусульманах (азербайджанцах, аджарцах), а также о населении Крыма. Но даже в зоне боевых действий «мусульманский вопрос» не был решающим фактором, не играл принципиальной роли, поскольку в странах-противниках России было не так уж много мусульманского населения. Самое большее раздражение у властей вызывала деятельность мусульман, находящихся за пределами империи, в эмиграции. Власти опасались их панисламистского влияния на умы и настроения мусульман внутри страны, поэтому прибегали к контрпропаганде.

В целом, после вступления в войну Османской империи на стороне Австро-Венгрии и Германии, первоначальная идея славянского братства трансформировалась в лозунги войны христиан против мусульман. Явное акцентирование на христианской символике с одновременным запретом мусульманской, такая очевидная религиозно-милитаристская мобилизация едва ли могли способствовать подъему патриотизма среди инородческого населения империи.

Оценить эффективность пропагандистских методов воздействия на российских мусульман довольно непросто. В период войны российские

71 *Усманова*. Мусульманские депутаты Государственной Думы. С. 253–266.

власти не слишком утруждали себя широкой и повсеместной агитационной деятельностью, обращенной к мусульманам. Что касается «вражеской» пропаганды, то и она не имела существенного эффекта. Доля военнопленных-мусульман, которые согласились участвовать с оружием в руках в мировой (т.н. «армия джихадистов») и в гражданской войне, или же предпочли остаться в эмиграции, по сравнению с общим количеством военнопленных-мусульман, вернувшихся на родину, была минимальной. На военнопленных, помимо пропагандистских слов и увещаний, гораздо большее впечатление оказывалась окружающая среда, та экономическая и социальная действительность, с которой они столкнулись в Германии и других европейских странах. Тоска по родине, желание воссоединиться с семьей и народом, усталость от войны оказались сильнее иных желаний и идейных соображений.⁷² Поэтому большая часть выживших в плену мусульман репатриировалась на родину в 1918–1921 гг.

Все известные попытки наладить контрпропаганду оказались весьма неубедительными и не смогли оказать сколько-нибудь значимого воздействия на широкие массы населения. Изъясн был как в методах, так и в исполнителях. А потому оставался прежний, испытанный способ борьбы с инакомыслием и недовольством — репрессии и наказания. К ним прибегали чаще, особенно, когда не хватало позитивных аргументов.

72 Ностальгическое содержание песен и стихов татарских военнопленных см.: *Baldauf, Ingeborg. Die Blätter im Wind: Erinnerungen tatarischer Kriegsgefangener aus Wünsdorf/Berlin, 1916–1919* // Источники и исследования по истории татарского народа. С. 420–433. Отдельные образцы таких песен и баитов см. также: *Гилязов, Гатауллина. Российские солдаты-мусульмане.*